

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-38

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ: К ПОНИМАНИЮ ПРОЦЕССОВ СДВИГА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОСИТЕЛЕЙ

Ленора Гренобль
Университет Чикаго, США

Изучение языкового сдвига, замена одного языка другим в сообществе или подгруппе речевого сообщества, является темой для социолингвистического анализа: сдвиг почти всегда является результатом социальных факторов. В статье анализируется процесс языкового сдвига на основе изучения различных типов говорящих в сообществах, переживающих языковой сдвиг.

Преобладающая реакция лингвистов на массовый глобальный языковой сдвиг – необходимость документирования языков. Необходимость в документировании очевидна, но есть и непреднамеренные последствия, в том числе и валоризация «последних» носителей языка, поощрение языкового пуризма и обесценивание «неполных» носителей, эритажников и изучающих язык как второй (Я2 или L2), которые во многих сообществах представляют будущее языка. Актуальность документирования и описания языков с относительно небольшим количеством пожилых носителей заставила лингвистическое сообщество сосредоточиться почти исключительно на таких группах, игнорируя более крупные речевые сообщества на более раннем этапе сдвига. Таким образом упускается из виду широкий диапазон типов говорящих при языковом сдвиге. В результате, с социальной точки зрения, мы не занимаемся программой возрождения языка именно в тех сообществах, где изменение языкового сдвига все еще относительно. С научной точки зрения мы упускаем возможность изучать и языковые изменения в процессе, и социолингвистическую вариативность при языковом сдвиге.

Ключевые слова: языковой сдвиг, языковые контакты, аттриция, вариация, типология говорящих, процессы языковых изменений

SOCIOLINGUISTICS AND LANGUAGE SHIFT: TOWARD UNDERSTANDING THE PROCESSES OF SHIFT THROUGH THE PRISM OF SPEAKERS

Lenore Grenoble
Chicago University, the USA

The study of language shift, the replacement of one language by another in a community, or subgroup of a speech community, is a prime topic for sociolinguistic analysis: shift is almost always the result of social factors. This paper argues for focusing research on the study of shift in process and, to that end, studying the different kinds of speakers in shifting communities.

The prevalent response to massive, global language shift by linguists is language documentation. Although the need for documentation is clear, there have been inadvertent consequences: valorizing last speakers, promoting linguistic purism, and devaluing L2 language learners who, in many communities, represent the future of the language. The urgency of documenting and describing languages with relatively small numbers of elderly speakers has led the linguistic community to focus almost exclusively on such groups and ignore both larger speech communities in earlier stages of shift, and overlook the wide range of speaker types in shift communities. From a social standpoint, the result is that we are often failing to do the language work in precisely those communities where reversing language shift is still relatively easy. From a scientific standpoint, we are missing the opportunity to study language change in process, and missing the chance to study speaker variation in a shift situation. Variation in proficiency and performance across shifting speakers is not random but systematic and correlates with a set of social and cognitive factors.

Keywords: *language shift, language contact, attrition, variation, speaker typology*

1. Языковой сдвиг и социолингвистика

Изучение языкового сдвига, замена одного языка другим в сообществе или подгруппе речевого сообщества, является темой для социолингвистического анализа именно потому, что языковой сдвиг почти всегда является результатом социальных факторов. Конечно, в некоторых определенных случаях язык исчез (или исчезает) по другим причинам: из-за климатических катастроф или войны, когда внезапно пропадают все или почти все носители. Ярким примером представляются последствия цунами на Никобарских островах в 2004 г., когда местное население было внезапно уничтожено, и остались всего несколько сотен пожилых представителей языка чаура (ISO 639-3 *crv*) и нанкаури (ISO 639-3 *nbc*), это исключительные примеры. В основном и как правило, языковой сдвиг происходит годами, и поколениями, а не моментально.

Введение термина «языковой сдвиг» обычно приписывается Джошуа Фишману (Joshua Fishman), хотя более ранние исследования по языковому сдвигу можно проследить, по крайней мере, в основополагающей работе У. Вайнрайха о контакте [Вайнрайх, 1979; Weinreich, 1953]. Со времени публикации фундаментального исследования У. Вайнрайха в понимании причин языкового сдвига был достигнут значительный прогресс. Языковой сдвиг обычно является результатом сочетания социальных и экономических факторов, языкового престижа и языковой идеологии, смены власти и исторической травмы. Демографические факторы, такие как численность населения, компактность проживания и частотность/интенсивность контактов, безусловно, играют роль, однако социально-экономические и политические факторы имеют решающее значение. Факторы меняются от случая к случаю, но есть общие причины, которые влияют на большинство, если не все, сообщества говорящих, даже если на местном уровне есть своя языковая специфика.

Стабильные языковые сообщества характеризуются тем, что население свободно владеет

языком и свободно использует его во всех областях. В отличие от стабильной ситуации, при языковом сдвиге не все представители этнолингвистической группы владеют языком своих предков или полностью не владеют. Экология языкового сдвига характеризуется различиями в уровне владения языком групп говорящих, и эти различия являются признаком сдвига. Одним из ключевых признаков языкового сдвига является то, что дети не изучают язык – передача из поколения в поколение имеет решающее значение для жизнеспособности языка. В случаях быстрого языкового сдвига потеря языка может произойти в одном поколении: язык быстро исчезнет, если количество говорящих относительно невелико, и все дети сразу же прекращают изучать язык. Но в целом даже быстрый сдвиг происходит неравномерно в более многочисленном сообществе. При этом некоторые представители группы продолжают использовать язык дома и между собой даже после того, как другие отошли от него и прекратили говорить. Более того, у людей разные возможности использовать язык. Таким образом, одна из важных характеристик экологии языкового сдвига – динамичность экологической среды общности. В условиях сдвига обнаруживается значительная вариативность в знании и употреблении языка, наблюдаются вариации в отношениях к нему.

Эта вариативность интересна не только сама по себе, но и дает нам возможность изучать процессы изменений языка, которые происходят на глазах. К сожалению, эту возможность часто упускают из виду в поисках последних, якобы полноценных и подлинных носителей для документирования «настоящего, неиспорченного» языка. Мы не первые отмечаем проблему сосредоточенности исследователей на последних носителях. Еще 20 лет назад Вахтин [2001: 11] отмечал: «Эту “полевую слепоту” языковедов подметил в 1972 году Вольфганг Дресслер, обвинивший их в том, что, увлекшись описанием “полноценных языков”, они “прозевали” интереснейший материал по языковому сдвигу и языковой смерти» [Вахтин, 2001: 11; Dressler, 1972: 455]. Определение *настоящего* носителя языка в отличие от *ненастоящего* или *неполного* носителя (который не считается и не пригодится) особенно проблематично в тех условиях, где люди изучают язык нетрадиционными способами, но становятся полностью компетентными, хотя не владеют нормами стандартного, традиционного языка [O’Rourke et al., 2011].

У. Вайнрайх отмечал, что хотя «многоязычие, несомненно, представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное, принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие – как нечто исключительное» [Вайнрайх, 1972: §1.2]. Пора лингвистам уделить больше внимания многоязычию и, в частности, изучению лингвистических особенностей и изменений среди языковых сообществ, переживающих сдвиг. И одновременно надо иметь в виду, что

современная теоретическая тенденция переходит от чисто структурного взгляда на язык как отдельный, четко определенный и ограниченный объект к пониманию языка как неограниченного, подвижного и гибридного [Pauwels, 2016]. Эта основная идея, что не существует четких границ между языками, и между разными языковыми вариантами, лежит в основе теорий транслингвизма (англ. *translanguaging*) [Cenoz, 2013; Wei, 2013].

На материале полевых исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе, в статье анализируются изменения в экологии языкового сдвига, который связан с уровнями освоения, временем воздействия и доступом к языку и использованию языка. Неполные носители делятся на несколько категорий: 1) носители, которым характерна потеря языка в течение всей жизни; 2) Я2, «эритажники», или наследники, которым характерно неполное овладение языком; 3) новые носители, изучающие язык взрослые, которые намеренно/преднамеренно изучают свой родной язык. Есть систематические различия между грамматиками этих разных говорящих. Крайне важно, что отклонения, которые отличаются от стандартного языка, следует рассматривать не как «плохой» язык или «ошибки», а скорее, как варианты в другой языковой системе.

1.1. Вариативность и лингвистическая экология сдвига

Современная социолингвистика установила теоретическое значение языковых вариаций, она показывает, что вариация – это норма. Тем не менее большая часть основной работы по вариативности (по крайней мере, в американской школе социолингвистики) основана на глубоком изучении более крупных и одноязычных сообществ и практически не обращает внимание ни на многоязычные группы, ни на группы, где происходит сдвиг (есть исключения, см: [Hildebrandt et al., 2017; Stanford et al., 2009]). В языковых сообществах, испытывающих языковой сдвиг, социолингвистическая вариативность усложняется контактами: говорящие владеют разными языками на разных уровнях. Другими словами, предполагается еще большее разнообразие (лингвистическое и социолингвистическое) в экологических условиях сдвига.

При работе с языковыми сообществами, находящимися под угрозой исчезновения, мы сталкиваемся с дополнительной проблемой, связанной с численностью населения. Небольшое количество населения затрудняет оценку различий в группе: являются ли различия в речевых моделях, которые расходятся с ожидаемыми традиционными нормами, показателем потери или изменения языка, систематичны ли они в речи сообщества говорящих, отдельного человека? Или это случайные ошибки?

2. Носители языка в условиях языкового сдвига

Языковой сдвиг часто характеризуется уменьшением количества областей, в которых используется язык, сокращением его использования, но если мы переключим фокус смещения с ситуации на говорящих, то отличительным признаком сдвига будет отсутствие способности говорящих использовать язык во всех областях. Могут быть определенные области, в которых говорящие не обладают специальными знаниями, а также специализированной лексикой или регистром, будь то специализированные технические, традиционные или современные (физика, медицина, рыбалка) или особые регистры (как, например, речь спортивного диктора [Ferguson, 1983]). Это очевидно в одноязычных сообществах, где конкретный говорящий полностью владеет определенным языком, но не умеет вести разговор в определенных областях.

В контексте языкового сдвига принято классифицировать носителей по возрастному (или поколенному), гендерному параметрам и по уровню знания языка. В целом, контингент этнической группы варьируется от очень высокого до нулевого уровня владения языком, с одной стороны, и от самого старшего до самого младшего носителя языка – с другой. В контексте сдвига, существует высокая корреляция между возрастом, употреблением и знанием языка. Важно отметить, что дифференциация типов носителей в зависимости от уровня владения языком сама по себе является основным признаком языкового сдвига. Другими словами, языковой сдвиг характеризуется именно тем, что количество говорящих на данном языке уменьшается именно потому, что младшее поколение не усваивает этнический язык в совершенстве или вообще его не знает.

2.1. Уровень владения языком (Proficiency levels)

Существует множество типологий и определений типов говорящих, но большинство (если не все) фокусируются на двух основных параметрах: возраст и уровень владения языком. Исследования по языковому сдвигу ориентируются на определение категории носителей, чтобы определить лучший подход к документированию и описанию языка и, по желанию сообщества, к возрождению языка:

1. Параметры витальности языка [Fishman 1991; Lewis et al., 2010] основываются на данных по уровню владения и количеству разных носителей, как правило, являются хорошим показателем для оценки жизнеспособности языка и для оценки мер, предпринимаемых для восстановления и оживления языка.

2. Языковедам, работающим в языковых сообществах, находящихся под угрозой исчезновения, необходимо понимать уровень знания говорящих, чтобы интерпретировать

достоверность данных, которые они предоставляют. Это особенно важно в случаях продвинутого сдвига, когда остается лишь несколько доступных говорящих любого типа, которые могут выступать в качестве языковых консультантов. Если, например, консультант даст совершенно неожиданную форму, как оценить ее? Это диалектная форма или старая форма, которую другие просто забыли или не упомянули, или новая форма, которая распространяется среди молодых и/или новых носителей, или это просто ошибка?

3. Чтобы оценить уровень владения языком, можно опираться на уже хорошо выработанную систему сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным (ТРКИ). Надо подчеркнуть, что существует целый ряд проблем с пониманием языковой системы как ограниченной, неизменяемой и стабильной (§1.1), но тем не менее, это вовсе не значит, что систематизации не существует. В практике при условиях сдвига многие овладевают и знают свой «родной» язык как иностранный. Общее владение русским (или любым другим) языком как иностранным включает шесть уровней (см. Таблицу 1):

Таблица 1

Регион	Уровни владения языком как иностранным					
	A1	A2	B1	B2	C1	C2
Россия	Элементарный уровень	Базовый уровень	I уровень	II уровень	III уровень	IV уровень
Европа	Breakthrough Level	Waystage Level	Threshold Level	Vantage Level	Effective Operational Proficiency	Good User
США	Novice	Intermediate	Intermediate-High	Advanced	Advanced Plus	Superior Native

<https://gct.msu.ru/testirovanie/testirovanie-TRKI/>

Для рассматриваемых в статье миноритарных языков такое тестирование пока не разработано, но шкала полезна в качестве приблизительной ориентации для определения уровня владения языком. Ниже приводим краткий обзор некоторых из предложенных категорий. Следует помнить, что это не отдельные ограниченные категории, а скорее ярлыки для «контрольных точек» на континууме.

2.2. К типологии носителей языка

Разница между свободно говорящими и не полностью владеющими языком носителями является центральной при изучении типологии носителей в контекстах языкового сдвига. К тому же надо добавить, что во время полевой работы мы встречались с носителями всех

обозначенных выше типов, что подчеркивает многообразие и вариативность в многоязычных сообществах.

Традиционный носитель языка (англ. *speaker, fluent speaker, full speaker*): человек, который свободно владеет языком во всех сферах, без колебания и без принуждения.

Категория родного языка интуитивно имеет смысл в одноязычных сообществах: все взрослые без неврологических расстройств свободно и бегло говорят на каком-либо языке. Они являются стандартными говорящими в стандартных условиях. (Хотя этим не хочу сказать, что двуязычие – феномен ненормальный, а скорее, что изучение одноязычных групп намного проще.) Однако даже в одноязычных сообществах уровень владения языком варьируется в зависимости от образования, например наличия определенных специализированных лексиконов и регистров. Для двуязычных сообществ «беглость» часто менее очевидна. Можно представить себе человека, который осваивает определенный язык (Я1) с рождения и использует этот язык дома, среди друзей, в социальных сетях, но изучает второй язык (Я2/L2) в школе, и этот второй язык является языком большинства населения страны. Таким образом, один и тот же говорящий использует Я2 в формальном образовании, на работе и во всех сферах, где общается с людьми, вовсе не знающими его Я1. Выходит, что во многих сферах этому человеку будет удобнее использовать свой Я2, а не Я1. Здесь Я1 и Я2 относятся к хронологическому порядку приобретения, но бывает, что владение Я2 вытесняет Я1 и становится первым, родным. Является ли человек носителем языка Я1? Большинство людей сказали бы «да», но ответ фактически зависит от того, продолжает ли человек использовать язык на протяжении всей своей жизни.

Эритажники, носители унаследованного языка (англ. *heritage speakers*): эритажники обычно воспринимаются как дети эмигрантов, второе поколение, которое говорит на унаследованном языке дома, может и с друзьями (детьми других эмигрантов), но не усваивает его полностью, и его вытесняет язык новой страны. Уровень владения у эритажников варьируется: некоторые владеют языком на элементарном или базовом уровне (A1–2), а бывают те, у которых функциональное знание языка высокое и они говорят на продвинутом уровне (III или даже IV).

В литературе о языках, находящихся под угрозой исчезновения, вместо термина «унаследованные носители» широко используется термин «полуносители» (полуговорящие, англ. *semi-speakers*). В исследовании о языковом сдвиге в Шотландии Нэнси Дориан называет таких носителей «несовершенными двуязычными» с «несовершенным контролем гэльского языка в целом» [Dorian 1973: 417, fn. 3]. Другими словами, они практически не доходят до

полного владения; процессы усвоения языка у них прерванные (англ. *interrupted acquisition*). Но само название, говорящее о «несовершенстве» и «неполноте» носителей языка, предполагает, что и люди сами плохие. Это приводит к тому, что говорящие начинают стыдиться своего языка. И этот стыд все больше усиливает и ускоряет языковой сдвиг.

Более того, по нашим данным, «ошибки», сделанные так называемыми полуносителями исчезающего миноритарного языка, сходятся с ошибками эритажных носителей крупных национальных языков. Работая с эритажниками русского языка, А.С. Выренкова, М.Ц. Полинская и Е.В. Рахилина подтверждают, что ошибки эритажных говорящих отличаются от ошибок в речи изучающих русский язык как иностранный [Выренкова и др., 2014: 6]. Это объясняется тем, что для эритажников унаследованный язык одновременно является и родным, и иностранным. И еще вопрос, насколько речь и ошибки «полуносителей» исчезающего миноритарного языка похожа на речь изучающих его как иностранный в РФ. Совсем мало людей его изучают с нуля. Дети, которые не знают унаследованного языка, учат его в школах в местах компактного проживания, но все равно растут в среде, где есть говорящие на этом же языке. В данной типологии взрослые, которые изучают унаследованный язык, относятся к «новым носителям».

Атриторы (англ. *attritors* или иногда *rusty speakers*): говорящие, которые утратили родной язык полностью или частично именно из-за сдвига. Это люди, которые усвоили язык, но не имеют возможности пользоваться им, и поэтому они «вне практики» и забывают его [Menn 1989: 345; Sasse 1992]. Здесь речь идет именно об утрате усвоенной системы, а не о прерванном усвоении языка.

Речь атриторов характеризуется тем, что они с трудом разговаривают, не помнят не только слова но и целые конструкции, кроме того, испытывают сильное интерферентное влияние со стороны своего нового Я1. Поэтому их речь, на первый взгляд, может и иметь сходство с речью полуносителей, но наши данные доказывают, что они различаются. Полуносители не усвоили язык, а атриторы усвоили, но забыли. При описании языка полезно различать их: знание языка у атриторов можно активировать и восстановить при языковой работе с лингвистом, а полуносители часто изучают язык при воздействии лингвиста. Поэтому их важно различать, чтобы распознать источник новых слов или конструкций, появляющихся в течение работы (ранее усвоенных или выученных).

Неоносители, или новые носители, новогорящие (англ. *new speakers*): те, кто освоил язык в рамках программ возрождения языка, а не с рождения. Этот термин был придуман в связи с движениями языкового возрождения в Западной Европе и определяет

людей, которые почти или совсем не получили знания языка в семье или в языковой общности, но которые учат его по специальным программам. Это, как правило, взрослые люди, которые занимаются возрождением языка своих предков, усваивают язык в рамках учебных программ. Они обычно отличаются от других Я2, утверждающих, что занимаются языком по идеологическим причинам. В некоторых местах количество новых носителей больше, чем традиционных, получивших язык дома, «на маминых коленях». Идея «нового носителя» появилась в 1980-х годах, тогда она использовалась и как академическая и как народная концепция. Появились и специфические термины: *euskaldunberri* (для описания изучающих баскский язык), *neofalante* (галисийский) и *neo-brétonnant* (бретонский) [O'Rourke et al., 2015].

Категория новых говорящих была определена в отношении конкретно басков и галисийцев и распространилась на другие части мира. В принципе этот термин может использоваться для обозначения любого взрослого, изучающего Я2 (это не обязательно говорящие на языке, находящемся под угрозой исчезновения), тем не менее новые носители обычно понимаются как изучающие Я2 – язык меньшинства, переживающего сдвиг. Как правило, они начинают изучать язык своих предков в рамках более широкого общественного движения за освоение языка и культуры, что потенциально дает им мотивацию изучать язык, отличную от мотивации, скажем, типичных студентов колледжей, выполняющих языковые требования. Более того, тот вариант, который они изучают, обычно отличается от стандартного или более традиционного языка. Бывает, и довольно часто, что более традиционные говорящие, в том числе и старшее поколение, отрицательно относятся и к новым программам обучения языку и к самим новым носителям. Например, недавняя работа с новыми носителями баскского языка показала, что они, как правило, не пользуются авторитетом и часто осваиваемый ими язык ассоциируется с «искусственным языком» [Rodríguez-Ordóñez, 2020].

Молчаливые носители (англ. *silent speakers*): говорящие с пассивным знанием языка. Они, как правило, стесняются или даже боятся говорить по каким-то эмоциональным причинам, имеют психологический барьер. Понятие «молчаливого говорящего» тесно связано с саамскими языками и, в частности, с работами Яна Юсо, которая использует когнитивно-поведенческую терапию, чтобы помочь преодолеть эти барьеры [Juuso, 2009; 2013]. Когда язык находится на грани исчезновения и остается лишь несколько носителей, молчаливые носители становятся ценным источником документации и описания. В нашей работе нам довольно часто приходится встречаться с молчаливыми носителями, которые сначала уверяют, что вообще не знают языка, но потом начинают говорить, видя, с каким уважением и с интересом мы относимся к ним, несмотря на их низкий уровень владения языком.

В психолингвистической литературе такие носители обычно называются «восприимчивыми двуязычными», они характеризуются пассивным билингвизмом. «Пассивный билингвизм» относится к знанию языка, в крайнем случае, асимметричного двуязычия, когда человек свободно говорит на одном языке, но демонстрирует только рецептивную компетенцию (т.е. понимает без производства речи, сам не говорит) на другом. В какой степени их неспособность говорить, являющаяся результатом недостаточной языковой компетенции или эффекта психологического барьера, стоит под вопросом, поскольку эти два разных подхода являют собой независимые исследовательские задачи. Понятие «молчаливых носителей» связано с задачей ревитализации языков, а не с исследованиями двуязычия.

Носители-невидимки (англ. *ghost speakers*): «явно отрицают какое-либо знание языка, несмотря на доказательства того, что они действительно обладают определенным уровнем компетентности» [Grinevald et al., 2011: 51].

Разница между молчаливыми носителями и носителями-невидимками, если таковая имеется, скорее связана с отношением к языку. Молчаливые носители хотят использовать свой язык, но стесняются, и даже боятся, но носители-невидимки, как описывают их К. Гринвалд и М. Бэрт, непреклонны в своих претензиях на незнание языка. Поэтому для лингвистической работы они далеко не идеальные консультанты. Для научных целей было бы чрезвычайно интересно проверить уровни понимания обеих групп и в дальнейшем было бы интересно изучать речь молчаливых носителей после того, как они заговорят.

Представление о том, что обе категории действительно существует, было дискредитировано по нескольким направлениям. Н. Эванс [Evans, 2001] указывает, что понятие последнего носителя проблематично, отчасти потому, что сообщество может адаптировать собственное представление о «хорошем говорящем», когда уходит предыдущий, более старый и часто более опытный говорящий. Новый «лучший» носитель, возможно, не будет таким же профессиональным, как ушедшие старшие поколения.

Как отмечает Н. Эванс, работа с такими говорящими влечет за собой ряд сложностей [Evans, 2001: 252; см. также: Dorian, 1986]. Здесь меня больше интересуют социальные и научные проблемы, возникающие при определении людей как «последних носителей». Это создает динамику в сообществе, где учитываются только постаревшие и последние говорящие – они одни ценятся и считаются аутентичными. Особенно в тех небольших языковых сообществах с продвинутым сдвигом, в которых совсем мало пожилых носителей, это отношение психологически проблематичное и даже разрушительное, поскольку смерть «последнего» говорящего может означать конец языка. Из этого можно сделать вывод, что

новые носители, эритажники и носители Я2, не «считаются» такими же ценными, как традиционные носители языка.

3. К пониманию грамматик разных типов говорящих

Языковой сдвиг – результат языковых контактов в условиях несбалансированного двуязычия. В этом разделе приведем несколько конкретных примеров, чтобы проиллюстрировать сложность грамматик носителей со слабым владением языка, научные мотивы для их документирования и изучения и социокультурное обоснование отказа от стигматизации.

Какова природа грамматической системы (или систем) у двуязычного/многоязычного человека? Как сосуществуют разные грамматические системы? Взаимодействуют ли они?

3.1. Новые носители – новые варианты

Одним из результатов пуристического отношения к языку является то, что одни варианты (говоры или территориальные варианты, социолекты, этнолекты, и т.д.) очень ценятся, а другие нет. Прежде всего здесь играет роль представление о корректности и достоинстве литературного варианта, несмотря на то что он, скорее всего, является идеологической конструкцией, особенно в малых языках.

Довольно часто считается, что унаследованные и новые носители говорят «плохо», и их язык считается «плохим» или «испорченным». Это «языковой шейминг» (англ. *language shaming*). Языковой шейминг мешает попыткам возрождения языка: люди стесняются говорить. Но дело в том, что будущее многих языков – смешанный вариант или вариант, который демонстрирует тяжелые суперстратные эффекты доминирующего языка.

Приведем пример языка дена'ина (или *таниана*, ISO 639-3 tfn, атабаскский язык). Дена'ина – язык Аляски, находящийся под большой угрозой исчезновения: в 2014 г. на нем говорили всего 50 человек [Alaska Native Language Center]. Ревитализация привела к появлению креолизированного варианта дена'ина, на который сильно повлиял английский язык, что привело к радикальным морфосинтаксическим изменениям [Holton, 2009: 253-4]. В примере 1 видим традиционный (стандартный, нормативный) вариант, характеризующийся агглютинацией и полисинтезом:

1. Стандартный дена'ина

nuntgheshh'il

nun-n-t-gh-esh-'an

опять-2SG-FUT-FUT-1SG-видеть

‘Я тебя увижу еще раз’.

В примере 2 – новый, креолизованный вариант, на котором говорят новые носители, обучающиеся языку дена’ина в школе или по специальным программам для взрослых. Структура нового варианта совсем иная:

2. Новый дена’ина

shi nen nu ghi'an kih

shi nen nu ghi'an kih

1SG 2SG еще раз видеть FUT

‘Я тебя увижу еще раз’.

Те грамматические и лексические значения, которые передаются морфемами в традиционном языке уже функционируют как отдельные слова в креолизованной форме.

3.2. Изменения в лингвистических системах современных говорящих

Данные, на которых основана статья, были собраны входе экспедиций в городе Якутске, в селе Березовке в Республике Саха (Якутия) и в городе Анадыре Чукотского автономного округа в 2017, 2018 и 2019 годах. Во время экспедиции мы записывали рассказы о жизни, свободные, непринужденные беседы, фестивали и разговоры за столом. В ходе исследования применялись традиционные методы лингвистической полевой работы и к тому же было проведено несколько экспериментов.

Представленный в статье анализ выстраивается на основе нескольких экспериментов, проведенных начиная с октября 2017 г. Этот проект, продолжающийся и в настоящее время, фокусируется на понимании процессов текущих языковых контактов и сдвига, а также на разработке методов изучения последнего. Здесь излагаются результаты двух основных экспериментов для порождения речи, ПРК-14 и ПРК-27 (т.е. порождение речи, 14 картинок и 27 картинок = англ. *14 Picture Production Experiment*, 14PPE и *27 Picture Production Experiment*, 27 PPE). Эксперимент №1 (ПРК-14) состоит из 14 картинок и №2 (ПРК-27) – из 27.

ПРК-14 и ПРК-27 – это два варианта одного эксперимента: испытуемому предъявляют картинку на слайде вместе со словами в качестве стимула. На каждом слайде – список слов в форме цитирования, т.е. в той форме, в которой они находятся в словаре соответствующего языка: существительные в именительном падеже, единственного числа, глагол в русском языке в инфинитиве, в языке саха в форме императива, в эвенском языке в форме деепричастия цели. Слайды преобразованы в PDF-документ, отображающий по одному слайду на странице.

Эксперимент проводится с использованием планшета или ноутбука, просмотр изображения проходит по одному. В примере 3 приводится один слайд:

3. Образец: Картинка 3 (якутский язык):

	<i>аһам</i>	'кормить'
	<i>кыыс</i>	'девочка'
	<i>ыт</i>	'собака'
	<i>эт</i>	'мясо'

Стимулы были сбалансированы для непереходных, переходных и дитранзитивных глаголов; в 27 РРЕ мы варьировали аргументы в зависимости от грамматического рода и одушевленности/неодушевленности.

Стоит еще подчеркнуть, что методы, представленные здесь, не предназначены для замены традиционной этнографии, включенного наблюдения, выявления, описания и документации. Скорее, цель состоит в том, чтобы расширить их, дать более полную картину языкового профиля отдельных говорящих и речевых сообществ.

В нашей базе данных нет ярких примеров полной морфосинтаксической перестройки. Данные двух экспериментов ПРК-14 и ПРК-27 в чукотском и якутском языках показывают, что люди, утратившие морфологию падежной системы, составляют фразы без падежных окончаний, но при этом опираются на порядок слов для передачи грамматических значений.

Пример 4 показывает ожидаемую форму предложения в литературном якутском:

4. Уол куубиктарынан дьиэ тутар.

Uol kuubik-tar-ynan d'ie tut-ar
мальчик кубик-PL-INST дом строить-PRS.3SG
'Мальчик строит дом из кубиков.'

Традиционные носители, которые лучше владеют языком, употребляют аналитическую конструкцию с легким глаголом (англ. *light verb*) и деепричастием на *-a*, что передает видовое значение, обозначающее незавершенное и продолжающееся в момент речи действие [Коркина, 1982: 240,241]:

5. Уол куубиктарынан дьиэ тута олорор.

Uol kuubik-tar-ynan d'ie tut-a olor-or
мальчик кубик-PL-INST дом строить-CVB.SIM сидеть-PRS.3SG
'Мальчик сидит строит дом из кубиков.'

Но основные носители просто повторяют слова в той форме, в которой они написаны на слайде. (Слово *кубиктар* 'кубики' дается во множественном числе.) Глаголы дают в форме императива, потому что именно так они указываются в словарях. Кажется, что консультант понимает значение всех слов; если представить, что язык изолирующий и соблюдает SVO порядок, то предложение 6 легко понять:

6. Уол тут дьиз кубиктар.

Uol	tut	d'ie	kubik-tar
мальчик	строй	дом	кубик-PL
'build house blocks'			

Примеры 3–5 показывают предложения, составленные в результате эксперимента, который проводился в искусственных условиях, а не в спонтанной речи. Возникает вопрос, употребляют ли участники эксперимента такие формы в непринужденном разговоре? Скорее всего, нет. Они, вероятно, просто говорят по-русски, на первом (родном) языке, которым владеют в совершенстве. Но если бы им понадобилось заговорить на якутском языке, видимо, они смогли бы составить предложения, опираясь на порядок слов и не на морфологию для обозначения синтаксиса.

3.4. «Полуговорящие» и систематизация «ошибок»: чукотский язык

Чукотский язык (ISO 639-3 *ckt*) находится под серьезной угрозой исчезновения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., лишь 4563 человек (или 29 % этнической группы) указали, что владеют им, хотя больше 79% назвали чукотский язык родным. В настоящее время тенденция к сокращению числа носителей чукотского языка в обеих категориях респондентов сохраняется. Со временем общее количество представителей этнической группы уменьшилось, происходит процесс быстрого языкового сдвига.

По результатам полевой работы в Анадыре были выделены три группы носителей, определяемые по совокупности факторов, включающих уровень владения языком и возраст, когда был усвоен язык: 1) традиционные (владеющие нормативным языком с детства) и 2) современные (как правило, не выучившие всю лингвистическую систему в детстве). Получается, что носители «эритажного», или «унаследованного» языка говорят, однако с ошибками, но на продвинутом уровне – выше базового (A2). Группу 3 составляют владеющие языком на элементарном уровне [Kantarovich, 2020].

В чукотском языке наблюдается существенная разница между традиционными

носителями (теми, кто владеет языком с детства) и современными носителями; последние не усвоили язык в детстве, и относятся к категории эритажников (L2. В качестве примера возьмем систему спряжения переходных глаголов. В традиционном чукотском языке наблюдается весьма сложная глагольная структура: шесть времен – два настоящих, два прошедших, и два будущих. Система усложняется еще и наличием в переходных глаголах особых форм для обозначения субъекта и объекта, т.е. формы непереходных глаголов отражают лицо и число субъекта, а формы переходных глаголов – лицо и число как субъекта, так и объекта [Скорик, 1977: 40–72; Dunn, 1999: 68–70]. П.Я. Скорик замечает, что «сложность спряжения переходного глагола представляет трудно преодолимое препятствие в изучении чукотского языка» [Скорик, 1977: 40]. Поэтому и не удивляет, что глагольная морфология у современных носителей до некоторой степени упрощена: у современных же говорящих некоторые морфологические формы выравнялись [Kantarovich, 2020]. В Таблице 2 видим суффиксы согласования для традиционного, нормативного языка для переходных глаголов в изъявительном наклонении в не будущем времени (аорист) [Dunn, 1999: 177; Kantarovich, 2020: 134]. Аффиксы для выражения субъекта выделены жирным шрифтом:

Таблица 2

Суффиксы согласования в переходных глаголах: традиционный чукотский

	1sg.obj	1pl.obj	2sg.obj	2pl.obj	3sg.obj	3pl.obj
1sg.sbj	–	–	t- -g ² et	t- -tək	t- -g ² en	t- -net
1pl.sbj	–	–	mət- -g ² et	mət- -tək	mət- -g ² en	mət- -net
2sg.sbj	ine- -(g²)-i	-tku-g ² i	–	–	Ø- -g ² en	Ø- -net
2pl.sbj	ine- -tək	-tku-tək	–	–	Ø- -tək	Ø- -tək
3sg.sbj	ine- -(g²)-i	ine- -mək	ne- -get	ne- - tək	-nin	-ninet
3pl.sbj	ne- -g ² em	ne- -mək	ne- -gət	ne- -tək	ne- -g ² en	ne- -net

Префиксы являются показателем субъекта: показатель субъекта 1-го лица ед. ч. *m-*, мн. ч. *mət-*; 3-го лица ед. и мн. ч. префикс *ne-* и также 2-го лица ед. ч. при объекте 2-го лица ед./мн. ч. и при объекте 1-го лица мн. ч. И субъект 2-го лица мн. ч. при объекте 1-го лица (ед./мн ч.) выражается *-tək*. И как видно в Табл. 2, во всех случаях, когда субъект выражен префиксом, объект – суффиксом. И в некоторых формах субъект выражен не суффиксом, а префиксом: при объекте 1-го лица ед. ч. субъект 2-го и 3-го лица ед. ч. выражен суффиксом *-(g²)-i* и объект префиксом *ine-*. Субъект 2-го лица ед. и мн. ч. выражен безаффиксально, нулевым показателем – при объекте 3-го лица, ед./мн. ч. Показателем согласования в глагольных формах при субъекте и объекте 3-го лица ед. ч. является суффикс *-nin*; при объекте 3-го лица мн. ч. присоединяется

дополнительный суффикс мн. ч. *-m* [Скорик, 1977: 41–42].

Система весьма сложная, и не удивляет, что современные носители-эритажники, упрощают ее. Но как видно в Таблице 3, это вовсе не значит, что морфемы исчезли, как наблюдалось в современной форме языка дена'ина в примере 3 флективная морфология до сих пор сохраняется, но некоторые суффиксы распространились, а другие вышли из употребления.

Таблица 3

Суффиксы согласования в переходных глаголах: современный чукотский

	1sg.obj	1pl.obj	2sg.obj	2pl.obj	3sg.obj	3pl.obj
1sg.sbj	–	–	tə- -g ² en	tə- -tək	tə- -g ² en	tə- -net
1pl.sbj	–	–	mət- -g ² en	mət- -net	mət- -g ² en	mət- -net
2sg.sbj	ine- -g ² i	ine- -g ² en	–	–	-g ² en	-net
2pl.sbj	ine- -tək	ine- -tək	–	–	-tək	-tək
3sg.sbj	ine- -g ² i	ine- -ninet	ne- -g ² et	ine- -ninet	-nin	-ninet
3pl.sbj	ne- -g ² en	ne- -mək	ge- -gət	ne- -tək	ne- -g ² en	ne- -net

Сравнивая аффиксы, в двух таблицах, видим, что некоторые сохраняются в современной системе: сохранились показатели субъекта – именно те, ожидаемые в изъявительном наклонении в традиционном языке, описанном Скориком (Табл. 2).

Изменения в инвентаре показателей согласования относятся исключительно к аффиксам для объекта. Эти изменения не являются произвольными и не являются прямым случаем потери. Важно отметить, что место для суффиксов сохраняется; лишь дистрибуция самих форм изменилась: показатели объектов 3-го лица распространяются на формы и 1-го, и 2-го лиц с тем же числом [Kantarovich et al., 2021].

Нельзя сказать, что современные носители чукотского языка не знают морфологию – знают и владеют довольно сложной системой суффиксов и префиксов. Но их грамматическая система иная, и она отличается от нормативного языка. Выравнивание флективных парадигм характерно для устаревших полисинтетических языков [Vakhtin et al., 2017], а потому и здесь вполне ожидаемо. Это яркий пример процесса изменения языка.

3.5. Тофаларский язык

Чукотский язык – не изолированный случай. К. Харрисон и Г. Андерсон описывают подобные изменения в тофаларском языке (ISO 639-3 kim) [Harrison et al., 2008]. Тофаларский язык в серьезной опасности и находится на грани исчезновения. На нем говорят менее сорока человек [Salminen, 2007], разбросанных по трем деревням в Нижнеудинском районе Иркутской

области. Грамматическая система современных носителей перестроилась, и современная система отличается от традиционной именно тем, что наблюдается выравнивание морфологических парадигм. Приведем один пример – выравнивание форм повелительного наклонения.

В традиционном тофаларском языке повелительное наклонение не имеет особого суффикса, в отличие от всех других наклонений, и к тому же личные окончания повелительного наклонения отличаются от личных окончаний других наклонений. В 1-м лице тофаларское повелительное наклонение выражает ряд семантических оттенков: в ед. числе – призыв говорящего к самому себе или желание совершить действие, во мн. числе – призыв, просьбу или требование к другим совершить действие вместе с говорящим. Различаются единственное, двойственное и множественное числа; форма единственного числа имеет суффикс *-ээйн/-ыыйн/-ийн* [Рассадин, 1978: 222–224]:

7а. *алээйн* ал-ээйн 'возьму-ка я'

7б. *чорийн* чор-ийн 'пойду-ка я' [Рассадин, 1997: 379]

1-е лицо, ед. ч. императива оканчивается на согласный *-н* [n]. В традиционном тофаларском языке это единственная глагольная форма единственного числа, не оканчивающаяся на *-м* [m]. Работая с современными носителями, Г. Андерсон и К. Харрисон встречали не традиционное окончание (*-ээйн/-ыыйн/-ийн*), а новую форму на *-м*, как видно в примерах 8 и 9, с их транскрипцией и переводом [Harrison et al., 2008: 250]:

8. *men suɣ-da* iʃ-ejm

I water-loc/part drink-1.imp

'let me drink some water'.

9. *men syt-te* ber-em seŋ-e

I milk-LOC/PART give-1.IMP you-DAT

'let me give you some milk'.

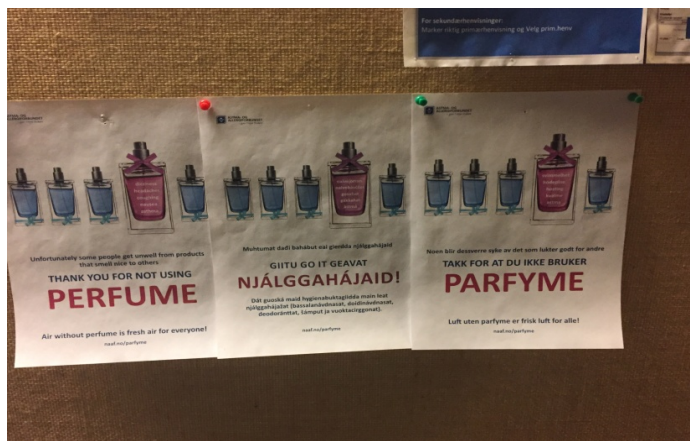
Это регулярные, систематические изменения, а не окказиональные ошибки. Здесь речь идет о процессе выравнивания по аналогии. Как авторы замечают, подобные изменения находятся и в других тюркских языках, например в хакасском [Anderson, 2005] и ряде других. Грамматика носителей, проходящих сдвиг, систематичная и закономерная.

4. Переключение кодов как норма

Многоязычие является нормой и широко распространено по всему миру как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества [Cenoz, 2013]. Из-за глобализации, колонизации, и миграции в крупных и малых городах люди, говорящие на разных языках, живут рядом друг с другом, работают вместе, ежедневно общаются. Современные теории многоязычия признают сложную и изменчивую характеристику использования языка. Например, метролингвизм – подход к языковому разнообразию, ориентирован на местные языковые практики. Метролингвизм отходит от понимания многоязычия как феномена, предполагающего существование разных, ограниченных языков, и от представления двуязычного говорящего как «вместилища» различных языков (представление, которое опирается на языковую компетенцию и индивидуальный репертуар) [Pennycook et al., 2015].

Возьмем простой пример – лингвистический ландшафт в городке Киркенес, который находится в северо-восточной части Норвегии, в фюльке Финнмарк. Городок маленький, население всего 3492 человек [Statistics Norway, 2020]. Большинство населения – норвежцы, вторая по численности группа – саами, но проживают в Киркенесе и квены, и русские. Русских жителей мало, но много приезжих за покупками из Мурманска. Регулярно ходит автобус-экспресс. Если обратить внимание на лингвистический ландшафт в Киркенесе, сразу становится заметно, в каких доменах используется каждый из языков. Норвежский – во всех; саамский – для местных административных услуг; русский – в магазинах и английский – как глобальная лингва-франка – используется в тех местах, где есть международная клиентура и международная рабочая сила, например в ресторанах и гостиницах. В примере 10 видим плакат в больнице на трех языках – английском, саамском и норвежском, а в примере 11 – объявление в крупном магазине на норвежском и русском:

10. Плакат в больнице, г. Киркенес, 02 ноября 2018 г.

Перевод:

К сожалению, некоторые люди плохо переносят запахи, которые приятны другим.

СПАСИБО, ЧТО НЕ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ
ДУХАМИ

Воздух без духов – свежий воздух для всех!

11. Объявление в магазине REMA 1000, г. Киркенес, 02 ноября 2018 г.

12. Объявление в магазине Kiwi mini pris, г. Киркенес, 02 ноября 2018 г.

В примере 12 интересно сочетание русского языка на кириллице (памперсы) вместе с ограничением в 2 упаковки на латинице, видимо, на английском *max* (максимум) а не на норвежском *maks*. И название продукта, и упаковка на английском (Little Swimmers). Это яркий пример того, как разные языки существуют и используются одновременно. Такое перемещение кодов и шрифтов типично даже для крупных, государственных языков; подобное можно найти в Китае или Японии, например.

Переключение и перемещение кодов – норма языковых практик в сферах многоязычия, и представляет убедительный пример того, как обыденные языковые практики сталкиваются с целями документирования языка. Как правило, лингвисты пытаются записать и зафиксировать «чистый вариант» языка – пока не поздно, пока не исчезнет. Более того, бывает, что старшее поколение настаивает, чтобы молодежь говорила «чисто» – без перемещения языков, так как считает это неправильным.

Русский язык является языком межнационального общения во всех регионах Российской Федерации сегодня, функционально доминируя в большинстве сфер жизнедеятельности. В Республике Саха (Якутия), например, раньше якутский язык был основным языком коммуникации (лингва-франка) на территории республики, но несмотря на то, что он имеет там официальный статус, в значительной степени якутский заменен русским языком [Grenoble, 2020]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., уже 89% якутов, живущих в Якутии, владеет русским, и целиком более 93% населения владеет именно русским. В ходе пилотного проекта, проведенного в Якутске, родители 30 детей ответили на опрос об употреблении якутского и русского языка дома. 45% родителей сообщили, что используют исключительно якутский язык в общении со своим ребенком, и 43% сообщили, что речь своих детей – смесь русского и якутского. [Androsova et al. 2020: 272].

Это неудивительно. В моей работе с разными группами носителей разных миноритарных языков часто встречается перемещение кодов между русским языком и любым другим языком. В примере 13 находим включение: говорящий бегло и свободно говорит по-якутски, но служебные слова (союзы, наречия, междометия и т.п.) часто появляются на русском. В примере 14 видим альтернатию: говорящий начинает на эвенкийском и потом добавляет хвост на русском. Здесь местоположение русской части интересное: если бы вся фраза была на эвенкийском, то цель действия (в Бомнак) стояла бы перед глаголом. Пример 15 немного другой: рассказчица с трудом выполняет задачу (рассказать текст по мультику) и, назвав главных героев, как бы сдается и переходит на русский язык:

13. Якутский – русский

Быраҕ-ан *кэбиһ-эр*,
бросить-CVB.ANT сделать-PRS.3SG
куоска прямо *суулл-ан* *түһ-эр*
кошка упасть-CVB.ANT уронить-PRS.3SG
'Кидает, кот прямо падает'

14. Русский – эвенкийский

Гёванҥан й-лй ҥэнэ-рэ-с, *в Бомнак да?*
прошлый.год где-LOC ехать-N.PST-2SG
'Куда ты ездила в прошлом году, в Бомнак, да?'

15. Русский – эвенкийский

Аа... *көчүкэн* *мунрукан* *нян* *барсук*
Аа маленький заяц еще
нашли как-то решение и вышли из положения
'Маленький заяц и барсук нашли как-то решение и вышли из положения'

В рассказе о том, как ходили на охоту (16), рассказчица говорит то по-русски, то по-эвенкийски. Иногда начинает фразу на русском и переходит на эвенкийский, ничуть не меняя синтаксис (п. 1), или дает всю фразу на русском (п. 2, 4) или на эвенкийском (п. 3), или переключается в середине предложения (п. 5). Ясно, что она прекрасно владеет обоими языками, и строит рассказ одновременно из двух:

16. Русский – эвенкийский

1. Это *умун* *токи гуды-н*
 один лось желудок-3SG
2. Это огромный желудок, как два мешка.
3. Сережа *угир-дэ-вй* *некэмкэ-рэ-н,* *эче* *дэбдэрэ*
 поднять-CVB.PURP-REFL попытаться-N.PST-3SG NEG смочь-CVB

Литература

- Вайнрайх У.* (1979) Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
- Вайнрайх У.* (1972) Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике № 6. С. 25–60.
<http://www.philology.ru/linguistics1/weinreich-72.htm>
- Вахтин Н. Б.* (2001) Условия языкового сдвига: (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. СПб. С. 11–16. <http://www.philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm#2>
- Виноградова П.* (2016) Приказали помнить. В Якутии спасают исчезающие языки народов Севера // Smart News. 30 сент. 2016. <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/11535.html#ixzz6bobhtcSi>
- Выренкова А.С., Полинская М.Ц., Рахилина Е. В.* (2014). Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. № 3. С. 3–19.
- Рассадин В. И.* (1978) Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука. 287 с.
- Рассадин В. И.* (1997) Тофаларский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Индрик. С. 371–382.
- Скорик П.Я.* (1977) Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, служебные слова. М; Л: Академия наук СССР. 376 с.
- Черевко Т.С., Гладкова А. А.* (2016) Интернет-СМИ России на языках этнических групп // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. Т. 5. С. 56–72.
<https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/5/internet-smi-rossii-na-yazykakh-etnicheskikh-grupp/>
- Широбокова Н.Н.* (2018) Языковые контакты в истории якутского языка // Сибирский филологический журнал. 4. С.122–128. DOI: 10.17223/18137083/65/11
- Androsova, Y., Trifonova, A.* (2020) Storytelling using MAIN in Yakut // ZAS Papers in Linguistics. No. 64. Pp. 269–274. 582-Artikeltext-1115-1-10-20200909.pdf
- Cenoz, Jasone.* (2013) Defining multilingualism // Annual Review of Applied Linguistics. No. 33. Pp. 3–18.
- Dorian, Nancy C.* (1973) Grammatical change in a dying dialect // Language. Vol. 49. No. 2. Pp. 413–438.
- Dorian, Nancy C.* (1981) Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 206 p.
- Dressler, Wolfgang.* (1972) On the phonology of language death. // Papers from the Eighth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society // Ed. by Paul M. Peranteau, Judith N. Levi and Gloria C. Phares. Chicago: Chicago Linguistic Society. Pp. 448–57.
- Dunn, Michael.* (1999) A Grammar of Chukchi. Doctoral Dissertation, Australian National University, Canberra. 385 p.
- Evans, Nicholas* (2001) The last speaker is dead – long live the last speaker! // Linguistic Fieldwork // Ed. by Paul Newman and Martha Ratliff. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 250–281. DOI:10.1017/CBO9780511810206.013
- Ferguson, Charles.* (1983) Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation // Language in Society. Vol. 12. No. 2. Pp. 153–172. DOI:10.1017/S0047404500009787
- Fishman, Joshua A.* (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon/Philadelphia: Multilingual Matters. 431 p.
- García, Ofelia.* (2009) Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // Multilingual education for social justice: Globalising the local / Ed. by Ajit Mohanty, Minati Panda, Robert Phillipson and Tove Skutnabb-Kangas. New Delhi: Orient Blackswan. Pp. 128–145.

- Grenoble, Lenore A.* (2020) Urbanization, Language Vitality, and Well-Being in Russian Eurasia // *Russia in Asia: Imaginations, interactions, and realities* / Ed. by Jane F. Hacking, Jeffrey S. Hardy and Matthew P. Romaniello. New York: Routledge. Pp. 183–202.
- Grinevald, Colette, Bert, Michel.* (2011) Speakers and communities // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* / Ed. by Peter K. Austin and Julia Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 45–65.
- Harrison, K. David, Anderson, Gregory S.* (2008) Tofa language change and terminal generation speakers // *Lessons from Documented Endangered Languages* / Ed. by K. David Harrison, David Rood, and Arienne Dwyer. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 243–270.
- Hildebrandt, Kristine A., Jany, Carmen, Silva, Wilson, eds.* (2017) Documenting Variation in Endangered Languages // *Language Documentation & Conservation Special Publication*. No. 13 (July 2017) <http://nflrc.hawaii.edu/ldc/sp-13-documenting-variation-endangered-languages/>
- Holton, Gary.* (2009) Relearning Athabascan languages in Alaska: Creating sustainable language communities through creolization // *Speaking of endangered languages: Issues in revitalization* // Ed. by A. Goodfellow. Cambridge: Cambridge Scholars Press. Pp. 238–265.
- Juuso, Jane.* (2009) Tar språket mitt tilbake/Valddan giellan ruovttoluotta. [Take my language back] *Varangerbotn/ Vuonnabahta: Isak Saber senteret*. 57 p.
- Juuso, Jane.* (2013) Mov gielem bäästede vaaltam. Jag tar tilbaka mitt språk. [I'm taking back my language] *Östersund: Sametinget*. 116 p.
- Kantarovich, Jessica.* (2020) Argument structure in language shift: Morphosyntactic variation and grammatical resilience in Modern Chukchi. PhD Dissertation, University of Chicago. 366 p.
- Kantarovich, Jessica, Grenoble, Lenore A., Vinokurova, Antonina A., Nesterova, Elena V.* Complexity and simplification in language shift. *Frontiers in Communication*. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
- Lewis, M. Paul, Simons, Gary F.* (2010) Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. Vol. 55. Pp. 103–120. <https://www.lingv.ro/RRL%202%202010%20art01Lewis.pdf>
- Mansfield, John, Stanford, James.* (2017) Documenting sociolinguistic variation in indigenous communities: Practical methods and solutions // *Language Documentation and Conservation, Special*. No. 13. Pp.116–36.
- Menn, Lisa.* (1989) Some people who don't talk right: Universal and particular in child language, aphasia, and language obsolescence// *Investigating obsolescence* / Ed. by Nancy C. Dorian. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 335–345.
- O'Rourke, Bernadette, Ramallo, Fernando.* (2011) The native-non-native dichotomy in minority language contexts: Comparisons between Irish and Galician // *Language Problems and Language Planning*. Vol. 35. No. 2. Pp. 139–159. DOI: 10.1075/lplp.35.2.03oro
- O'Rourke, Bernadette, Pujolar, Joan, Ramallo, Fernando.* (2015) New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 231. Pp. 1–20. DOI: 10.1515/ijsl-2014-0029
- Pauwels, Anne.*(2016) *Language Maintenance and Shift*. Cambridge: Cambridge University Press. 210 p.
- Pennycook, Alistair, Otsuji, Emi.* (2015) *Metrolingualism. Language in the city*. London: Routledge.
- Rodríguez-Ordóñez, Itxaso.* (2020) New speakers of Basque: a Basque-Spanish contact approach // *Linguistic Minorities in Europe Online*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton. <db.degruyter.com/view/LME/lme.9967442>
- Salminen, Tapani.* (2007) Europe and North Asia // *Encyclopedia of the World's Endangered Languages* / Ed. by Christopher Moseley. New York: Routledge. Pp. 211–282.
- Sasse, Hans-Jürgen.* (1992) Language decay and contact-induced change: Similarities and differences // *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa* /

- Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 59–80.
- Stanford, James, Preston, Dennis. (Eds) (2009) Variation in Indigenous Minority Languages. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 519 p.*
- Statistics Norway. (2020) Population and land area in urban settlements, updated 06 October 2020. <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/befsett/aar>*
- Vakhtin, N., Gruzdeva, E. (2017) Language obsolescence in polysynthetic languages. The Oxford Handbook of Polysynthesis. Ed. by Michael Fortescue, Marianne Mithun, and Nicholas Evans. Oxford University Press. Pp. 428–446.*
- Wei, Li. (2013). Conceptual and methodological issues in bilingualism and multilingualism research // Blackwell Handbooks in Linguistics: The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. 2nd Ed. / Ed. by T. K. Bhatia and W. C. Ritchie. Oxford: Blackwell Publishing. Pp. 26–53.*
- Weinreich, Uriel. (1953) Languages in Contact. Findings and Problems. New York. 152 p.*

References

- Weinreich, U. (1979) Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problem issledovaniya [Language contacts. State and problems of research] (Translation from English and commentary by Yu.A. Zluktenko) Kiev: Vishcha shkola. 263 p. (In Russ.)*
- Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism] // Novoe v lingvistike. Vol. 6. Pp. 25–60. (In Russ.) <http://www.philology.ru/linguistics1/weinreich-72.htm>*
- Vakhtin, N.B. (2001) Usloviya yazykovogo sdviga: (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [The conditions of the language shift: (The description of the present day language situation in the Far North)] // Vestnik molodikh uchenykh Ser. Filologicheskie nauki. No. 1. St. Petersburg. Pp. 11–16. (In Russ.) <http://www.philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm#2>*
- Vinogradova, P. (2016) Prikazali pomnit'. V Yakutii spasayut ischezayushchie yazyki narodov Severa [Are to be remembered. Endangered languages of the peoples of the North are being saved in Yakutia] // Smart News 30 September 2016. <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/11535.html#ixzz6bobhtcSi> (in Russ.)*
- Vyrenkova, A. S., Polinskaya, M. C., & Rakhilina, E. V. (2014) Grammatika oshibok i grammatika konstruktsiy: “eritazhnyy” (“unasledovannyy”) russkiy yazyk [The grammar of mistakes and grammar of constructions: the “heritage” (inherited”) Russian language] // Voprosy yazykoznaniya. Vol. 3. Pp. 3–19. (In Russ.)*
- Rassadin, V.I. (1978) Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [The morphology of Tofa in comparative aspect] M.: Nauka. 287 p. (In Russ.)*
- Rassadin, V.I. (1997) Tofalarskiy yazyk. Yazyki mira: Tyurkskie yazyki [The Tofa language. Languages of the world. Turkic languages] / Ed. by E.R. Tenishev. M.: Indrik. Pp. 371–382. (In Russ.)*
- Skorik, P.Ya. (1977) Grammatika chukotskogo yazyka [Grammar of the Chukchi language]. Chast' 2. Glagol, narechie, sluzhebnye slova. M.;L.: Akademiya nauk SSSR. 376 p. (In Russ.)*
- Cherevko, T. S., Gladkova, A. A. (2016) Internet-SMI Rossii na yazykakh etnicheskikh grupp [Russian Internet media in languages of ethnic groups] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. Vol 5. Pp. 56–72. (In Russ.) <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/5/internet-smi-rossii-na-yazykakh-etnicheskikh-grupp/>*
- Shirobokova, N. N. (2018) Yazykovye kontakty v istorii yakutskogo yazyka [Language contacts in the history of the Yakut language] // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. No. 4. Pp. 122–128. DOI: 10.17223/18137083/65/11 (In Russ.)*
- Androsova, Y., Trifonova, A. (2020) Storytelling using MAIN in Yakut // ZAS Papers in Linguistics. No. 64. Pp. 269–274. 582-Artikeltext-1115-1-10-20200909.pdf*

- Cenoz, Jasone.* (2013) Defining multilingualism // Annual Review of Applied Linguistics. No. 33. Pp. 3–18.
- Dorian, Nancy C.* (1973) Grammatical change in a dying dialect // Language. Vol. 49. No. 2. Pp. 413–438.
- Dorian, Nancy C.* (1981) Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 206 p.
- Dressler, Wolfgang.* (1972) On the phonology of language death // Papers from the Eighth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society / Ed. by Paul M. Peranteau, Judith N. Levi and Gloria C. Phares. Chicago: Chicago Linguistic Society. Pp. 448–57.
- Dunn, Michael.* (1999) A Grammar of Chukchi. Doctoral Dissertation, Australian National University, Canberra. 385 p.
- Evans, Nicholas.* (2001) The last speaker is dead – long live the last speaker! // Linguistic Fieldwork / Ed. by Paul Newman and Martha Ratliff. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 250–281. DOI:10.1017/CBO9780511810206.013
- Ferguson, Charles.* (1983) Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation // Language in Society. Vol. 12. No. 2. Pp. 153–172. DOI:10.1017/S0047404500009787
- Fishman, Joshua A.* (1991) Reversing Language Shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon/Philadelphia: Multilingual Matters. 431 p.
- García, Ofelia.* (2009) Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century // Multilingual education for social justice: Globalising the local / Ed. by Ajit Mohanty, Minati Panda, Robert Phillipson and Tove Skutnabb-Kangas. New Delhi: Orient Blackswan. Pp. 128–145.
- Grenoble, Lenore A.* (2020) Urbanization, Language Vitality, and Well-Being in Russian Eurasia // Russia in Asia: Imaginations, interactions, and realities / Ed. by Jane F. Hacking, Jeffrey S. Hardy and Matthew P. Romaniello. New York: Routledge. Pp. 183–202.
- Grinevald, Colette, Bert, Michel.* (2011) Speakers and communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages / Ed. by Peter K. Austin and Julia Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 45–65.
- Harrison, K. David, Anderson, Gregory S.* (2008) Tofa language change and terminal generation speakers // Lessons from Documented Endangered Languages / Ed. by K. David Harrison, David Rood, and Arienne Dwyer. Amsterdam: John Benjamins. Pp. 243–270.
- Hildebrandt, Kristine A., Jany, Carmen, Silva, Wilson, eds.* (2017) Documenting Variation in Endangered Languages // Language Documentation & Conservation Special Publication. No. 13 (July 2017) <http://nflrc.hawaii.edu/ldc/sp-13-documenting-variation-endangered-languages/>
- Holton, Gary.* (2009) Relearning Athabascan languages in Alaska: Creating sustainable language communities through creolization // Speaking of endangered languages: Issues in revitalization / Ed. by A. Goodfellow. Cambridge: Cambridge Scholars Press. Pp. 238–265.
- Juuso, Jane.* (2009) Tar språket mitt tillbaka/Valddan giellan ruovttoluotta. [Take my language back] Varangerbotn/ Vuonnabahta: Isak Saber senteret. 57 p.
- Juuso, Jane.* (2013) Mov gielem bäästede vaaltam. Jag tar tillbaka mitt språk. [I'm taking back my language] Östersund: Sametinget. 116 p.
- Kantarovich, Jessica.* (2020) Argument structure in language shift: Morphosyntactic variation and grammatical resilience in Modern Chukchi. PhD Dissertation, University of Chicago. 366 p.
- Kantarovich, Jessica, Grenoble, Lenore A., Vinokurova Antonina A., Nesterova Elena V.* Complexity and simplification in language shift. (2021) Frontiers in Communication. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
- Lewis, M. Paul, Simons, Gary F.* (2010) Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS. Revue Roumaine de Linguistique. Vol. 55. Pp. 103–120. <https://www.lingv.ro/RRL%20%202010%20art01Lewis.pdf>

- Mansfield, John, Stanford, James.* (2017) Documenting sociolinguistic variation in indigenous communities: Practical methods and solutions // *Language Documentation and Conservation*, Special Publication. No. 13. Pp.116–136.
- Menn, Lisa.* (1989) Some people who don't talk right: Universal and particular in child language, aphasia, and language obsolescence // *Investigating obsolescence* / Ed. by Nancy C. Dorian. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 335–345.
- O'Rourke, Bernadette, Ramallo, Fernando.* (2011) The native-non-native dichotomy in minority language contexts: Comparisons between Irish and Galician // *Language Problems and Language Planning*. Vol. 35. No. 2. Pp. 139–159. DOI: 10.1075/lplp.35.2.03oro
- O'Rourke, Bernadette, Pujolar, Joan, Ramallo, Fernando.* (2015) New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 231. Pp. 1–20. DOI: 10.1515/ijsl-2014-0029
- Pauwels, Anne.* (2016) *Language Maintenance and Shift*. Cambridge: Cambridge University Press. 210 p.
- Pennycook, Alistair, Otsuji, Emi.* (2015) *Metrolingualism. Language in the city*. London: Routledge.
- Rodríguez-Ordóñez, Ixaso.* (2020) New speakers of Basque: a Basque-Spanish contact approach // *Linguistic Minorities in Europe Online*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton. db.degruyter.com/view/LME/lme.9967442
- Salminen, Tapani.* (2007) Europe and North Asia // *Encyclopedia of the World's Endangered Languages* / Ed. by Christopher Moseley. New York: Routledge. Pp. 211–282.
- Sasse, Hans-Jürgen.* (1992) Language decay and contact-induced change: Similarities and differences // *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa* // Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 59–80.
- Stanford, James, Preston, Dennis.* (Eds) (2009) *Variation in Indigenous Minority Languages*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 519 p.
- Statistics Norway. (2020) Population and land area in urban settlements, updated 06 October 2020. <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/befsett/aar>
- Vakhtin, N., Gruzdeva, E.* (2017) Language obsolescence in polysynthetic languages // *The Oxford Handbook of Polysynthesis* / Ed. by Michael Fortescue, Marianne Mithun, and Nicholas Evans. Oxford University Press. Pp. 428–446.
- Wei, Li.* (2013) Conceptual and methodological issues in bilingualism and multilingualism Research // *Blackwell Handbooks in Linguistics: The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. 2nd Ed. / Ed. by T. K. Bhatia and W. C. Ritchie. Oxford: Blackwell Publishing. Pp. 26–53.
- Weinreich, Uriel.* (1953) *Languages in Contact. Findings and Problems*. New York. 152 p.

Ленора Гренобль – PhD, профессор университета Чикаго; директор, Лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный Федеральный Университет им. М.К. Аммосова, Якутск
Адрес: США, Чикаго, 1115 East 58th Street
Эл. адрес: grenoble@uchicago.edu

Для цитирования: *Ленора Гренобль*. Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. 2021. No 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35

For citation: *Lenore Grenoble*. Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers // *Sociolinguistics*. 2021. No.2 (6) [online]. Pp. 9–35. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35